

Глава 894: Уступить или сдаться?

Глава клана Цюшань был ошеломлен, говоря: «Я не знаю, кто разработал эту ловушку, но я знаю, что это дело никак не связано с тобой».

Цюшань Цзюнь положил жареную рыбину на камень и очень серьезно объяснил: «Отец, вот что. Если этот план достигнет успеха, не означает ли это, что Чэнь Чаншэн очень глуп?»

Глава клана Цюшань ответил: «Возможно, Чэнь Чаншэн мог быть немного талантливым в искусстве меча и культивации, но в находчивости он тебе и в подметки не годится».

Цюшань Цзюнь немного беспомощно сказал: «Я не намерен подниматься на гору, так что для Отца нет надобности использовать эти методы, чтобы тратить время».

Глава клана Цюшань улыбнулся от уха до уха и сказал: «Глуп».

Это был ответ на предыдущий вопрос.

Цюшань Цзюнь сказал: «Все знают, что Южун любит Чэнь Чаншэна. Если Чэнь Чаншэн действительно грубый и глупый парень, не значит ли это, что Южун - тоже очень глупая?»

Глава клана Цюшань задумался над этим вопросом, а потом ответил: «У подобного заключения нет особого основания, но можно сказать, что некоторые люди действительно могут так подумать».

Цюшань Цзюнь продолжил: «Тогда решено. Если Южун - очень глупая, тогда не буду ли я, кто любит ее, еще более глупым?»

Глава клана Цюшань был бессилен возразить этому. Он сказал: «Даже если ты хочешь помочь Чэнь Чаншэну вырваться из этой ловушки, у тебя нет никаких доказательств. Может быть, ты планировал повторить события Города Вэньшуй и использовать свою репутацию? Не так просто создать себе репутацию! Не трать ее на такие тривиальные дела, к тому же тот парень - твой соперник».

Цюшань Цзюнь засмеялся, больше ничего не говоря, обращая все внимание на жареную рыбу.

.....

.....

На вершине Пика Святой Девы повсюду сиял ясный свет, а мягкий бриз дул на лозы на каменных стенах, шелестя их. Вскоре после этого пышный лес тоже начал шелестеть, пока бесчисленные духовные звери выходили из зарослей и сосновых иголок, открывая свои глянцево-черные глаза и глядя на каменную стену, вероятно, чувствуя, что вот-вот произойдет что-то значительное. Еще больше птиц начало лететь с пышных вершин к Горам Ломэй, продолжительно кружась вокруг вершины, формируя великолепную ленту.

В пещере в глубинах стены ослепительным блеском мерцали кристаллы, разбросанные по земле, как песок, а кровать, полностью высеченная из нефрита, была еще более выделяющейся. Однако, больше всего выделялась та несравненная красавица, сидящая скрестив ноги на нефритовой кровати.

Глаза Сюй Южун были закрыты в медитации. Ее кожа была белой, как самый чистый снег,

выглядела достаточно нежной, как будто она могла повредиться при касании. В отражаемом свете кристаллов она практически казалась прозрачной. Ее утонченные ресницы спокойно закрывали ее глаза. Они были прекрасны, как первые зеленые листья, прорастающие из камфорных деревьев на скалах.

В какой-то миг, возможно, когда мягкий ветер подул на лозы на каменной стене, ее утонченные ресницы дрогнули, после чего она проснулась. Сначала эти два трогательных глаза были окрашены небольшим смутением, выглядели невинными и искренними, как у ребенка.

Пока время подобно воде омывало ее разум и тело, смутение в ее глазах постепенно притупилось, возвращаясь к безразличию и умиротворенности. Как изморось, падающая на горы и леса в пору Цинмин, наполненная освежающей аурой. Одного взгляда будет достаточно, чтобы лишиться желания уходить (прим.пер. Китайский календарь разделяет год на 24 солнечных периода, из которых Фестиваль Цинмин отмечает начало пятого солнечного периода, пору Цинмин, а также третий месяц китайского года. Пора Цинмин в пятнадцать дней от Весеннего Равноденствия).

Ее взгляд пал на Пластины Звезды Судьбы перед ней. Сложные звездные орбиты на Пластинах Звезды Судьбы начали вращаться, тихо собираясь и рассеиваясь. За очень короткий промежуток времени она произвела около тридцати звездных атласов, и конечный регион моря звезд, куда они указывали, был еще более обширным, загадочным и опасным.

Она стала более серьезной и перевела взгляд к цветку в горшке по ее правую сторону.

Это был пестрый и яркий цветок, и среди невероятно нежных зеленых листьев расцветало величественное большое красное цветение. Зеленые листья в контрасте с красным цветком должны были создавать невероятно прекрасное зрелище, но когда это было доведено до невероятно высокого уровня, их красота была выведена на новый уровень. Это было трогательное зрелище, которое, казалось, даже было наполнено принципами мира.

Обычность, возведенная до больших высот, не гарантированно становилась большой элегантностью. Во многих случаях было невозможно сделать это. Если кто-то совершал этот подвиг, это могло значить только одно: Великое Дао было недалеко.

Пока она смотрела на эти зеленые листья и красный цветок, у Сюй Южун было довольно смешанное выражение лица.

Через некоторое время она развеяла все другие эмоции, оставляя только безразличие и умиротворенность.

Вот что действительно означало быть твердым и непоколебимым.

Но все же она испытывала некоторое сожаление.

Сюй Южун улыбнулась. «Жаль только, что не удалось расцвести полностью».

.....

.....

Церемония закрытия храма проводилась не на Пике Святой Девы, а на плато в десяти ли вдали.

Когда Цюшань Цзюнь ел жареную рыбу, когда Сюй Южун восхищалась цветком и познавала Дао, Чэнь Чаншэн сталкивался с самым опасным испытанием.

Сейчас уже все верили, что Чжичжи убила Бе Тяньсиня. Он, естественно, знал, что это было не так, но у него не было доказательств, и он не мог заставить Чжичжи появиться, чтобы дать показания. Поэтому многие люди решили, что он демонстрировал виноватую совесть. Это практически было доказательством, что он был истинным зачинщиком того убийства на реке.

Ученицы Храма Южного Ручья сформировали массив мечей и стояли на страже перед ним. Предположительно, кое-какие люди все еще были готовы поддерживать его, как Гоу Ханьши и ученицы Секты Меча Горы Ли или Поместья Древа Ученых, но по сравнению с Имперским Двором, представленным Принцем Сяном и теми сектами, следующими приказам имперского Двора, их было слишком мало. Кроме того, его противниками в этот раз были Бе Янхун и Уцюн Би, два эксперта Божественного Домена. Более того, эта пара была так поражена горем смерти своего сына, что их просто не беспокоил его статус.

Как же Чэнь Чаншэн мог решить эту ситуацию? Действительно ли он должен полагаться на защиту массива мечей Храма Южного Ручья, пока он попытается воспользоваться хаосом, чтобы сбежать? Можно сказать, что насколько бы могущественным ни был массив мечей, он не мог долго сопротивляться ударам подобных экспертов, особенно учитывая количество противников сегодня.

Все хотели знать, что он выберет, постоянно угадывая в мыслях.

Но его выбор все еще застал всех врасплох.

Чэнь Чаншэн посмотрел на Бе Янхуна и сказал: «Я понимаю, что все улики указывают на меня и Чжушу, но я, естественно, знаю, что это - не ее рук дело, и тем более, это не мой приказ. Однако, я готов отправиться вместе с Сэром, и пока это дело не будет полностью расследовано, я останусь с вами».

Этот выбор настолько шокировал, что многие люди не могли говорить.

Следовать за ним не было каким-то простым действием, а означало, что он уступал и был готов поместить свою жизнь в руки Бе Янхуна.

Для Попа, естественно, это было невероятное унижение. И что более важно, что, если Бе Янхун просто убьет его?

Архиепископ из южной церкви, выражение лица которого постоянно менялось, сказал дрожащим голосом: «Ваше Святейшество, нельзя допустить это».

Пин Сюань и другие ученицы Храма Южного Ручья тоже были шокированы, думая, как это могло быть в порядке? Ху Тридцать Два тоже продемонстрировал свое недовольство. Как архиепископ, он не мог позволить безопасности Попа оказаться в руках другого. Танг Тридцать Шесть и Гоу Ханьши, однако, хранили молчание.

Среди присутствующих людей Танг Тридцать Шесть и Гоу Ханьши были теми, кто лучше всего понимал Чэнь Чаншэна.

Они знали, что Чэнь Чаншэн никогда не позволит Пику Святой Девы истекать реками крови сегодня и не вызовет бесчисленные смерти ради собственной безопасности. Поэтому, если он хотел решить это дело, был только один способ. Только вот никто не знал, был ли его выбор

доверить себя Бе Янхуну успешным рискованным шагом или глупой авантюрой.

У Бе Янхуна был очень собранный характер и благородство, но он все еще был отцом. Могло ли горе от смерти его сына заставить его совершить что-то безумное?

<http://tl.rulate.ru/book/1222/283256>